

Фейерверки и сильный снег.

Казалось, всё прекрасное в мире сосредоточилось в этой небольшой комнате. Должно было быть бесконечно романтично, но он чувствовал лишь дискомфорт.

Детали, на которые он раньше не обращал внимания, теперь заполнили его мысли. Рука Чжао Шэна, которая взъерошила его волосы, его пальцы, нежно касающиеся его лица, поцелуи, рассыпанные по всему его телу. В одно мгновение он почувствовал, как его лоб, подбородок, шея и плечи стали горячими.

Он вспомнил то недоразумение перед аварией. Желание Чжао Шэна пугало его, и теперь он знал, что источник этого желания — не кто иной, как он сам.

Почему... и когда?

Его брат был умным и способным, превосходя всех, кого он когда-либо встречал. С какого момента он начал испытывать такие чувства к своему младшему брату?

Или, может быть, человек вроде его брата просто не мог ошибаться, и это он сам сделал что-то не так? Это он погубил Чжао Шэна?

В детстве он боялся темноты и спал в одной комнате с Чжао Шэном.

Позже, когда они подросли и переехали в дом побольше, спать в одной комнате стало уже неуместно. Днём Чжао Сяньянь соглашался, а ночью пробирался на кровать к брату. Иногда Чжао Шэн, разбуженный им, без лишних слов пинал его ногой в зад, отправляя обратно в свою комнату. Он боялся темноты, боялся призраков, но не боялся пинков от брата. С толстой, как городская стена, кожей, он тер руку и снова лез на кровать, оставаясь там целый год.

Тогда его брат был просто братом, который бил и ругал его из любви, без каких-либо скрытых намерений или желаний, которые могли бы их разлучить. Он скучал по тому Чжао Шэну, но вернуться к тому времени было уже невозможно.

Некоторые чувства рождаются как «болезнь», и их конец всегда будет трагичным.

Рейс был на следующий день, и у него было много времени, чтобы вспомнить всё, особенно те детали, скрытые в прошлом, которые открывали другую, пугающую сторону. Чжао Сяньянь понял, что из-за этих чувств жизнь Чжао Шэна стала ещё более несчастной, чем его собственная.

С наступлением ночи Чжао Сяньянь сидел один перед стеклянной стеной аэропорта, глядя на бескрайний мир снаружи. Время от времени самолёты прочерчивали на тёмном фоне косые линии, взлетая или приземляясь.

Он вспомнил один из своих каникул, когда он с друзьями отправился за границу.

Тогда Чжао Шэн уже занимался зарубежными делами Наньсина и был настолько занят, что мог приезжать домой только раз или два в год. Хотя он и жаловался в душе, но ничего не говорил вслух, ведь он уже привык к холодности Чжао Шэна, к тому же брат был занят важными делами, и у него не было причин для недовольства.

Позже, когда они с друзьями обсуждали поездку, планы ещё не были окончательными, но мать, получив звонок от брата, с радостью поделилась новостью, сказав, что брат вернётся на

следующей неделе и пробудет дома больше месяца. Она добавила, что он всё время жалуется, что брат слишком занят и они редко видятся, так что теперь у него будет возможность провести с ним больше времени. Она также сказала, что пока брата не было, он оставался без контроля, и у неё накопилось много жалоб.

Чжао Сянъянь выслушал всё это, и, хотя он был рад увидеть брата, он, словно назло, решил сразу же отправиться с друзьями в поездку, пропустив время возвращения Чжао Шэна.

Хотя он уже в день отъезда начал сожалеть, он подумал, что брат пробудет дома месяц, и он сможет вернуться пораньше. Однако, увлечшись отдыхом, он полностью забыл об этом.

Сейчас, вспоминая это, он удивляется, почему Су Шаоюнь, когда звонила ему во время поездки, ни разу не упомянула о возвращении Чжао Шэна. Только в день его возвращения он сам спросил:

— Брат ещё дома?

Су Шаоюнь упрекнула его за беспечность и сказала:

— Он уезжает завтра.

В день его возвращения он встретил Чжао Шэна в аэропорту.

«Ты всё же пришёл встретить меня?» — подумал он с гордостью, улыбнулся и побежал к нему. Чжао Шэн обнял его, как только он произнёс слово «брат». Тогда он даже не осознал, что это было их первое объятие за семь лет. Он шутил с братом, пока не узнал, что тот уже собирается проходить досмотр и садиться на самолёт. Попрощавшись с братом, он вернулся домой, где от Чжао Канчэна узнал, что за границей уже несколько раз требовали возвращения Чжао Шэна.

Теперь он понимал, что Чжао Шэн хотел увидеть его, но не мог позволить себе потребовать, чтобы он вернулся поскорее, и мог только ждать.

То объятие в аэропорту было порывом чувств, вызванным слишком сильной тоской.

Гораздо раньше он случайно стал свидетелем того, как Чжао Шэн мастурбировал.

Точнее, он застал его после.

Чжао Шэн, вернувшись на первые каникулы из университета, было всего около двадцати лет, и такое поведение было вполне нормальным. В тот день дома никого не было, и Чжао Сянъянь тайком вернулся из школы.

Дверь находилась далеко от комнаты брата, и если бы он не услышал, как из комнаты доносится его имя, он бы и не узнал, что Чжао Шэн вернулся.

— Сянъянь... Сянъянь...

Голос был тихим, и, если бы он не прислушался, он бы подумал, что это ему показалось.

— Брат, ты звал меня? — спросил он, открывая дверь.

Если бы он зашёл на несколько секунд раньше, он бы увидел совсем другую картину, но когда он открыл дверь, он увидел только салфетку, брошенную в мусорное ведро, и почувствовал знакомый запах.

Это был первый раз, когда он увидел на лице Чжао Шэна смущение, хотя и на мгновение.

— Нет, — ответил брат, быстро вернувшись в обычное состояние.

Он с хитрой улыбкой попытался обнять брата за плечи, но тот холодно оттолкнул его. Чжао Сяньянь не обратил на это внимания, его глаза блуждали по комнате в поисках улики.

— Что смотрел? Поделишься?

Это была просто шутка, но он действительно ничего не нашёл, что удивило его.

— Ты чисто на фантазиях работал, брат? Жестко же!

Он даже не мог представить, что Чжао Шэн мог возбудиться, просто представляя своего брата.

После этого Чжао Шэн больше не позволял ему свободно заходить в свою комнату.

На тех каникулах Чжао Шэн рано вернулся в университет.

Чжао Сяньянь, опершись локтями на колени и прикрыв лицо рукой, не сомневался, что в тот момент Чжао Шэн, называя его имя, мастурбировал, кончал, испытывал оргазм.

Та самая неловкая жара снова появилась. Он встал, глубоко вдохнул и побежал по пустому залу аэропорта, пробежав почти сто метров, прежде чем остановиться, согнувшись и тяжело дыша. Когда эти образы исчезли из его головы, он постепенно успокоился и медленно пошёл обратно.

Он оставался в аэропорту до следующего дня, когда сел в самолёт. Сидя у окна, он прислонился головой к стеклу, его взгляд был рассеянным, глаза всё время были влажными и красными.

Он притворился, что не понимает вопросов стюардессы, не ел, не пил и не спал, просто сидел, как бездушная оболочка, пока самолёт не приземлился.

Он растерянно стоял на знакомой земле, не зная, что ждёт его в будущем, и не представляя, что его ждёт.

Выйдя из аэропорта, Чжао Сяньянь сел в такси, погружённый в свои мысли. Водитель трижды спросил, куда ему ехать, прежде чем он машинально назвал старый адрес. Когда машина уже отъехала, он понял, что это больше не его дом, и попросил сменить направление.

Водитель с раздражением посмотрел на него через зеркало заднего вида и спросил, куда теперь. Он снова замолчал, потому что не знал точного адреса дома Кэ Яня, и, чтобы водитель не выгнал его, назвал ближайшую станцию метро.

На улице начался дождь.

Летний ливень начался внезапно, капли барабанили по крыше, изредка слышались раскаты грома, словно небо собиралось изгнать злых духов.

Чжао Шэн был тем самым злым духом.

Подумал Чжао Сяньянь.

Дождь быстро залил окно, и ему пришлось отвести взгляд, сосредоточившись на лобовом стекле, где двигались дворники.

— Шеф, а как вы думаете, куда попадают люди после смерти?

Водитель покрутил глазами и без сочувствия «предупредил»:

— Ты только не умирай у меня в машине.

Чжао Сянъянь усмехнулся и сказал:

— Раньше я был не таким.

Водитель не понял его, решив, что подобрал сумасшедшего, и нажал на газ, чтобы скорее добраться до места.

— Раньше я был выше, сильнее, хотя и не мог победить другого сына моей матери, но и не позволял себя прижать к земле.

Водитель, заинтересованный его словами, не удержался и спросил:

— У тебя есть братья?

Затем последовало более десяти секунд молчания.

Чжао Сянъянь опустил веки, в его глазах не было блеска, словно он вспоминал или колебался.

— Нет.

Произнеся эти слова, он больше не проронил ни слова до конца пути.

<http://bllate.org/book/16410/1486876>